

УДК 821.161.1

**ПРОРОЧЕСТВО КАК ЧЕРТА ПОЭТИКИ ПОЗДНЕГО ДОСТОЕВСКОГО
PROPHECY AS A FEATURE OF THE POETICS OF THE LATE DOSTOEVSKY****В.В. Кичигина
V.V. Kichigina***Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015,
г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: kichigina@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: автор, авторская позиция, художественный метод, диалог, пророчество, публицистика, поэтика.

Keywords: the author, author's position, artistic method, dialogue, prophecy, journalism, poetics

Аннотация. В статье рассматривается специфика художественного метода Ф.М. Достоевского в единстве его художественного и публицистического слова. Выделяется пророчество как своеобразный художественный приём в «Дневнике писателя» и романе «Братья Карамазовы», анализируется своеобразие авторской позиции и формы её выражения в статье «на злобу дня»

Abstract. In the article the specificity of the artistic method of F. M. Dostoevsky in the unity of his fiction and non-fiction words. The prophecy stands out as a unique artistic technique in "the Diary of a writer" and the novel "the Brothers Karamazov", analyzes the originality of an author's position and forms of its expression in the article "on the topic of the day"

Введение

Вопрос об объективном смысле литературного произведения тесно связан с вопросом о степени реализации в нем авторских идей, форме утверждения. Писатель надеется быть понятым самым широким кругом читателей, стремится к тому, чтобы его произведение являлось, по мысли Гегеля, диалогом с каждым стоящим перед ним человеком.

Говоря о герое, авторе- зрителе как «основных живых моментах, участниках события произведения» [1, 165], М. М. Бахтин отмечает, что «по отношению к герою и его миру, миру жизни, ценностно устанавливается прежде всего автор, и эта его художественная установка определяет и его материально-литературную позицию» [1, 171].

Далее, определяя позицию автора в литературном произведении, М. М. Бахтин справедливо отмечает, что «автор должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его, ибо вторжение его в этот мир разрушает его эстетическую устойчивость» [1, 166]. Таким образом, реализация авторской идеи прямо соприкасается с позицией автора по отношению к героям своего произведения, иными словами, восприятие того, что хотел сказать автор, находится в тесной зависимости от того, как, каким образом он это сказал.

Писательская манера Достоевского уникальна. И не только тем, что позволяет проникнуть в глубины человеческих размышлений о вере в бога, о бессмертии, подвиге и добродетели, о преступлении, раскаянии и святости, но и самим способом этих размышлений. Художественный метод писателя предполагает творческое взаимодействие с читателем, который не просто «поглощает» предложенные ему истины, но думает, примеряя себя к различным, часто диаметрально противоположным точкам зрения, предложенным в «метатексте»* Достоевского. Такой тип поэтики назван М.М.Бахтиным «полифонизмом» и по-прежнему является предметом научных дискуссий с попыткой проникнуть в авторскую точку зрения, которая сознательно скрыта от поверхностного прочтения.

Своеобразие языка и стиля писателя, способ выражения им собственной идеи можно называть по-разному – от «реализма в высшем смысле» (по словам самого Достоевского) до неохристианства (К.Леонтьев) или пророчества о русской революции (Д.Мережковский). Существует целая школа собственно литературоведческого прочтения романов писателя-«пророка», важными вехами в развитии которой стали работы М.М. Бахтина, Г.М. Фридлендера, Л.П. Гроссмана, А.С. Долинина, В.Я. Кирпотина, О. Кауса, М. Холквиста и др.

Однако для отечественной науки о Достоевском до последнего времени являлся характерным преимущественно «социологизированный» подход к проблеме. Зарубежное литературоведение в большей мере сосредоточивалось на анализе поэтики и психоаналитических аспектах

* Это определение И.Л.Волгина относительно всего, написанного Ф.М. Достоевским

осмысления творчества писателя (Х. Нейман, Отс, А. Рудицына и др.). При всём многообразии высказанных точек зрения исследователи, как правило, сходятся в одном: художественное и публицистическое творчество Ф.М. Достоевского различны и по форме, и по способу выражения авторской позиции.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть как единое целое принципы публицистических высказываний Достоевского-журналиста и художественные приёмы Достоевского-романиста в контексте его пророческих прозрений. Пророчество в данном случае зафиксировано как часть поэтики, характеризующаяся особыми качествами хронотопа: принципиальной незавершённостью событий настоящего в их тесной причинно-следственной зависимости с уже совершённым и ещё не совершившемся действием.

Основная часть

Известно, что в художественном творчестве писатель стремится к максимальной объективности. Сам Достоевский в плане «Жития великого грешника»^{*} определяет эту особенность следующим образом: «Сухость рассказа иногда до Жиль Блаза. На эффективных и сценических местах - *как бы* (разрядка автора. - В.К.) вовсе этим нечего дорожить. Но и владычествующая идея жития чтобы видна была, т.е. хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею и всегда оставлять ее в загадке, но чтоб читатель всегда видел, что идея эта благочестива. ... Тоже - подбором того, об чем пойдет рассказ, всех фактов, как бы непрерывно выставляется что-то и непрерывно постановляется на вид и на пьедестал будущий человек» [2, 71-72].

В этом высказывании интересна установка на будущего человека – проброс в идеальное грядущее. Достоевский, пристально следящий за происходящим вокруг него на самых разных планах жизни, обладает способностью выводить современное в вечное (как, например, в повести «Кроткая» и романе «Бесы», оттолкнувшись в замысле от газетных заметок). В этом смысле интересен и главный герой романа «Братья Карамазовы» - Алёша – как деятель «неопределённый, невыяснившийся», по словам автора. Да и герой предыдущего романа «Подросток», в силу своего возраста, тоже большей частью *будущий* человек. Достоевскому интересен временной интервал, те изменения, которые он может включать в себя. Поэтому и последний роман писателя – это рассказ о причинах главного сюжета, скрытого от читателя: «беда в том, что жизнеописание-то у меня одно, а романов два. Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент. Первый же роман произошел еще тринадцать лет назад, и есть почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя...» [3, XIV, с. 6]. Таким образом, автор романа достаточно свободно перемещается по оси времени из прошлого через настоящее в будущее, демонстрируя реальность всех трёх координат в художественном пространстве романа.[†]

Такая сложная художественная система, включающая в себя и возможность диалога с читателем, и осознанно-минимальное авторское участие в показе жизненных противоречий, казалось бы, исключает публицистичность как прямое авторское высказывание. Тем не менее, Достоевский является одним из выдающихся публицистов своего времени. В одном из своих писем он писал, что в литературном деле его цель и надежда – «высказаться в чем-нибудь, по возможности вполне, прежде чем умру» [7, с. 175]. «Высказаться вполне» позволяет прямое обращение к читателю, без экрана и посредства художественных образов, выводящих за рамки повседневности частную уголовную хронику. Формой такого высказывания служат страницы «Дневника писателя».

Провести границу между Достоевским-романистом и Достоевским-публицистом, на первый взгляд, достаточно просто, отгалкиваясь от способа выражения авторской позиции. Тем не менее, этот раздел будет условен, поскольку и прямое публицистическое слово, обращённое к современнику, и сложная художественная система романа включают в себя высказывания, данные, например, в пророческом формате как монолог. В последнем романе писателя «Братья Карамазовы» есть характерные эпизоды такого рода: «- Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времен и сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его. ... Сие последнее буди, буди.

-Буди, буди! - благоговейно и сурово подтвердил отец Паисий» [3, XIV, с.51]. Эти слова принадлежат монахам и стилистически торжественно оправданы темой (государство и церковь), однако в контексте разговора в келье старца Зосимы, где прописывается сценарий грядущей трагедии в семье Карамазовых, такие пророчества звучат лишь одним из голосов многоплановой структуры романа.

^{*} Замысел большого романа, частично осуществленный в последних романах писателя

[†] В 1873 г. в статье "По поводу выставки" писатель говорил о том, что современный художник не должен останавливаться на достигнутом, а завоевать для русской живописи также область исторического "идеального" и фантастического, ибо "идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность" [2, XI, с.301]

О пророческом даре самого Достоевского заговорили лишь в конце его жизни. «Я читала вещей «Братьев Карамазовых» Достоевского и наслаждалась психическим анализом (...), чувствуя, как в душе все перебирается и укладывается по уголкам, все хорошее и мелкое. Благодаря «Братьям Карамазовым» можно переработаться и стать лучше» (В.Н. Третьякова) [5, с. 124-127]; «Едва ли мы дождемся такого другого психиатра, каковым был Федор Михайлович, т.к. для того, чтобы писать так, чтобы раскрывать всю душу человеческую и затем относиться к ней так тепло и любовно, как относился он, - нужно пережить столько, сколько пережил, перечувствовал и вынес он, и выйти из этого ужасного горнила не ослабленным, жестоким, а вселюбящим, всепрощающим, глубоко религиозным и бескорыстно честным» (Л.И. Павленков, чиновник) [5, с. 542-543]. Оба корреспондента отмечают тонкость психологического анализа, свойственную произведениям Достоевского. Павленков даже называет писателя глубоким психиатром, видимо вкладывая в это определение и оттенок «целительного», «врачующего душу» значения. Сам Достоевский буквально повторяет слова В.Н. Третьяковой, делясь впечатлениями о вечере в Дворянском благородном собрании с А.Г. Достоевской, где заметил: «... бездна людей, молодежи и седых дам бросались ко мне, говоря: вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли «Карамазовых»» [4, с.345].

Называя автора «Братьев Карамазовых» пророком, а сам роман вещим (а определения такого рода можно встретить неоднократно), многочисленная аудитория Достоевского имела в виду, вероятно, не только и не столько его провидческий дар (трудно судить о нем современнику), сколько способность увидеть сокровенный смысл в очевидной для всех истине, ведь в каноническом понимании пророк - это не только «лицо, одаренное божественным даром предвидения и предсказания», но и лицо, «возвещающее народу волю Божию», «создатель религиозно-нравственного уклада» [6].

Собственно пророческий дар у Достоевского его читатели и исследователи обнаружат много позже, уже в XX веке, соотнося его, в первую очередь, с историей и идеологией революции, удивительно точно прописанных в романе «Бесы» почти за 50 лет до октябрьского переворота.

Прижизненная же популярность во многом связана с публицистической деятельностью писателя. В последние годы жизни его журнал «Дневник писателя» пользуется колоссальным успехом, он во многом способствует тому, что читатели Достоевского приближаются к нему, могут побеседовать на интересующие темы, не только связанные с вечными, но и самыми злободневными вопросами. На страницах «Дневника писателя» Достоевский высказывается прямо, размышляя о политике, экономике и литературе, о войне и мире, о настоящем и будущем Европы.

Именно здесь, в фокусе настоящего, неожиданно проявляется пророческий дар писателя, оценить который оказалось возможным только сейчас, почти через 140 лет, когда политическая карта мира, казалось бы, изменилась неузнаваемо. В «Дневнике писателя» за 1877 год уделяется большое внимание славянскому вопросу в связи с очередной русско-турецкой войной 1877-1878 гг. Так называемый Восточный вопрос поднимался в связи с освобождением русскими Болгарии от турецкого ига. Несколько статей сентябрьского, октябрьского и ноябрьского номеров журнала посвящены размышлениям на эту тему. В настоящее время видимое отсутствие актуальности вряд ли привлекает большое количество современных читателей к данному тексту, однако именно здесь Достоевский прописывает судьбу России на ближайшее столетие.

«Хочу сказать одно совсем особое слово о славянах, которое мне давно хотелось сказать. Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян!

Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что всё точно так именно сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, — у них характер в этом смысле как у всех, — а именно потому, что такие вещи на свете иначе и происходят не могут...» [3, с. 77-78]. Убежденность писателя такова, что, как у настоящего пророка, не нуждается в аргументах («знаю, что всё точно так именно сбудется, как я говорю»). Этот акцент на знание сохраняется и в следующих строках: «Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому нам надо приготовить вперед. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и делают» [3, с.78].

Далее Достоевский прописывает сценарий будущего действия: «Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия ... проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславян-

ской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени» [3, с.78-79].

При этом он ясно ощущает временной интервал того, что должно будет произойти: «Долго, о, долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслышанного в мире подвигу ея знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем, — коченеет, калечится и умирает в язвах и в бессилии...» [3, с. 79] Более того, подчёркивает, что его видение не касается настоящего момента:

«Но о теперешнем моменте я говорить не стану<...> , но потом, когда ...они кое-как устроятся, <...> выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться... , своею доблестью или помощью Европы, которая, опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. <...>

Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против неё» [3, 79].

Видение Достоевского не может не порадовать чёткостью и точностью отдельных деталей (это, кстати, особенность видения как средневекового литературного жанра): «О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут всё величие и всю святость дела России и великой идеи, знамя которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации.

У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Их будет это чрезвычайно утешать и восхищать. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы...» [3, с.79-80]

Любое пророчество есть предупреждение. Эта установка присутствует и в данном тексте: «России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества.

Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать» [3, с.80].

Дальнейшие отношения России и новых славянских государств Достоевский описывает как достаточно привычную семейную историю: «Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется, а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целостность и единство <...> России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае» [3, с.80]. Однако в этой истории акценты расставлены таким образом, что позволяют сделать обобщения далеко не семейного масштаба.

Размышляя о целесообразности «трудов, досад и вечной заботы» в отношении малых славянских народов, Достоевский приводит читателя к мысли о сакральной миссии, исполняемой Россией в общеевропейском и мировом контексте: «...для чего: для того, чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания — вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите» [3, с. 81]. Таким образом, писатель расширяет круг малой семьи с её обыденными раздорами и склоками до понимания единой семьи славянских народов и функции России как матери этих подрастающих детей, объединяющей силой материнской любви в единое целое.

Завершающие строки этого слова стилистически акцентируют пророческий формат, указывая на ещё один возможный вариант развития: «Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их

нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет все-славянство свое новое целительное слово человечеству... Выше таких целей не бывает никаких на свете. Стало быть, и «выгоднее» ничего не может быть для России, как иметь всегда перед собой эти цели, всё более и более уяснять их себе самой и всё более и более возвышаться духом в этой вечной, неустанной и доблестной работе своей для человечества» [3, с. 82].

Если к данным строкам благоговейно добавить: «Сие и буди, буди!», не возникнет никакого ощущения смены стиля. Это и естественно, и удивительно одновременно. Естественно потому, что художественные и публицистические строки написаны одним автором. Удивительно потому, что публицистический и художественный текст у Достоевского, при их принципиальном различии, имеют общие зоны. В данном случае их две: семья и Россия.

Напомним, что данная глава «Дневника писателя» - «Одно совсем особое словцо о славянах, которое мне давно хотелось сказать» - увидела свет в 1877 году, т.е. между двумя самыми «семейными» романами Достоевского – «Подросток» и «Братья Карамазовы». В письме к Х. Д. Алчевской от 9 апреля 1876 г. Достоевский охарактеризовал «Дневник» как необходимую для подготовки к созданию будущего романа творческую лабораторию. «Готовясь написать один очень большой роман, — писал он, — я <...> задумал погрузиться специально в изучение не действительности собственно, а с нею и без того знаком, а подробностей текущего. Одна из самых важных задач в этом текущем для меня <...> молодое поколение и вместе с тем современная русская семья, которая, я предчувствую это, далеко не такова, как всего еще двадцать лет назад...» [3, ХХІХ, кн. 2, 78].

Семья - это вообще одна из самых актуальных тем современности, отражённая в данный период и в романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина», и в «Господах Головлёвых» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Семья ближе и ярче любого другого социального института отражает изменения, происходящие в русском обществе 70-х гг. ХІХ в. Её распад читается метафорически на самых разных планах бытия.

Достоевскому удаётся не только зафиксировать и воплотить в художественном слове особенности «сиротского» мироощущения русского человека, выросшего без отца и матери в непреходящей тоске по ним и их небесным проекциям, но и расширить понимание семьи до народного единения как внутри России, так и вокруг неё. «Семья» славянских народов, видимо, подчиняется тем же законам распада-единения, что и любая другая. Эта мысль прослеживается определённо и на уровне подбора лексики: «...выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян; сначала в беде будут прибегать к ней, а потом, когда-нибудь, воротятся к ней и прильнут к ней все, уже с полной, с детской доверенностью. Все воротятся в родное гнездо» [3, с.81]. Совершенно определённая картина единения детей под крыло материнской любви в родное гнездо.

Таким образом, для писателя равно важны две составляющих будущего мироустройства: семья как братское единство детей, познавших отторжение родителей и междоусобные распри, и Россия, вбирающая в себя все народы, желающие добровольного объединения вокруг её границ.

Своё торжественное пророчество о будущей судьбе славянских народов писатель называет «словцом», подобно тому, как его герой назовёт впоследствии «поэмкой» невероятное пророческое откровение о Христе и человеке. Это значит, что данная идея очень важна для него, настолько, что хочется снизить пафос пренебрежительным суффиксом, «как бы вовсе этим нечего дорожить». Читателю Достоевского необходимо сделать усилие, чтобы дотянуться до мысли о том, что именно этим «словцом» дорожить-то и стоит. Очевидно, совершить это усилие он большей частью не в состоянии.

Заключение

Л.И. Сараскина в одном из своих интервью сказала о том, что Россия прочитала Достоевского и теперь проживает по его сценарию. Рискинем поправить: Россия НЕ прочитала Достоевского, именно поэтому вынуждена проживать то, что могло остаться на бумаге в качестве предупреждения, не уплотняясь до жёстких болезненных откровений сбывшихся пророчеств гениального писателя.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности.// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
2. Документы по истории литературы и общественности. Вып.1. Ф.М. Достоевский. М., 1922. С. 71-72.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л.: «Наука», 1984.
4. Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. Л.: Наука, 1976. – 490 с.С. 345.
5. Литературное наследство, том 86. М., «Наука», 1973.
6. Малый энциклопедический словарь. Т.П. вып. IV-й. Изд-е Брокгауз-Эфрон. Спб., 1909. С. 1095.
7. Ф.М. Достоевский, Письма, т. II, М. - Л., 1930